

9. МАРГИНАЛЫ

Возьмите прочитанную вами книгу, на ее полях вы увидите пометки, сделанные вами карандашом во время чтения: восклицательные либо вопросительные знаки, «птички», слова-характеристики, краткие замечания... Это -- маргиналии.

Margo на латинском: край. Если в книге, на ее полях, по границе текста, издатели поместили заголовки, -- это тоже маргиналии, на жаргоне издателей, «боковики».

А далее вот что происходит: массив книжного текста на ваших глазах ... зеленеет, оживает, колышется, щебечет, квакает -- превращается в болото. Бескрайнее, труднопроходимое, таинственное, прекрасное полесское болото. На его краю стоит крутая гора, на вершине голая, а по склону кое-где поросшая сосной. Рядом с горой деревня Горск. Уже зима. Белый ослепительный снег. На гору заползла девочка лет семи, вся в снегу, запыхалась, покраснелась. Уселась на деревянные санки, полетела вниз. Засмеялась-завизжала от страха и счастья полета. Это моя мама в 1932 году, когда гора еще не была маргиналией, хотя и стояла на краю. На берегу Польского болота.

В конце шестидесятых Польское болото осушили, заняли пшеницей и картофелем. Надеялись взять там продовольствие, чтобы, наконец, преодолеть его дефицит. Сегодня ясно: болото превращается в бесплодную пустыню, взять с которой нечего.

Преобразилось не только болото, но и то, что на его краю. Высокая гора начала опускаться вниз, в пучины земли. На ней пропали деревья, трава. Гора превратилась в песчаное плато, плоскую возвышенность, с нее песок стекает на близлежащие усадьбы Горска, засыпает заборы, огороды. В ветреный день над плато стоит белая пыль, ее хвост тянется к деревне.

Ветер выдувал возвышенность от центра, где обозначилась воронка. Вместо горы образовалась яма, получившая в Горске название -- Выдьма. Восхищаясь наиточнейшим по смыслу и образности местным топонимом, придуманным земляками, я хочу добавить, что Выдьма -- типичная для современной Беларуси маргиналия.

Экологи ввели в свой лексикон удачный метафорический термин -- маргинальность. В природе существуют основные экосистемы и переходные, пограничные. Например, возле белорусского болота часто находятся старопашотные земли, к пустыне Сахара примыкает полупустыня сахель (по-арабски берег, окраина), многие полесские озера окружены трясинной... Природные образования, занимающие пограничное место между основными экосистемами, называют маргинальными. Их особенность не в географическом (пространственном) расположении, а в качестве.

Основные экосистемы устойчивы, имеют свойство к саморазвитию, самосохранению, самовосстановлению. Этих качеств лишены экосистемы маргинальные. Старопашотные земли, веками служившие белорусам, при осушении болот превратились в бесплодные пески. На страны сахеля

наступает пустыня Сахара. Водная поверхность полесских озер сокращается, исчезает под болотом. Маргинальные экосистемы неустойчивы, склонны к разрушению, к деградации.

Маргинальность в природе указывает на свойство, а не на место. Выдьма маргинальная потому, что ей свойственно саморазрушение. Это внутреннее качество гора, извечно стоявшая на своем месте и давшая название деревне, приобрела в результате осушения Польского болота. Гору и болото связывала общая кровь — вода. Мелиораторы спустили воду в море, что спровоцировало маргинализацию и горы, и болота.

Полное опустынивание Польского болота пытаются предотвратить посевами травы. То есть маргинализацию в природе в принципе можно остановить, если разработать комплекс мер по охране природы и если охрана природы станет основой хозяйствования человека на земле. Увы, это мечта.

Бывшее Польское болото, на берегу которого стоит Горск, вытянулось длинной полосой, соединилось с другими бывшими болотами, вклинилось в Беловежскую пуцу, подкралось к вековым елям, высосало из них смолу, отпугивающую насекомых-вредителей. На беззащитные деревья напали жуки-короеды — и ели усохли.

К тому времени, как усохшие ели упали, то есть к началу двадцать первого века, князья ВКЛ, русские цари, оккупанты-поляки, оккупанты-немцы, коммунисты, президентские снабженцы вывезли из Беловежской пуцы лучшие дубы и сосны.

Самый крупный в Европе средообразующий лесной массив, влияющий на климат континента, распался на островки молодого леса, не способного к устойчивому саморазвитию. Беловежская пуца обрела маргинальные свойства, породившие ее с горской Выдьмой.

Если гора на моих глазах превратилась в яму и если яма раздвигает свои границы, то не трудно представить на месте Беловежской пуцы Беловежскую Выдьму.

Маргиналии в природе творят не вода и ветер, а люди. Людей, осуществляющих крупные непродуманные преобразования природы, стали называть: маргиналы. Их деятельность распространилась на общество, отчего многократно увеличилась опасность маргинализации нашего общего будущего.

Чтобы не оказаться на краю ямы, необходимо свести до минимума воздействие на ситуацию маргиналов. А прежде, конечно же, следует изучить их характерные повадки, скрытые особенности.

25 июля 1985 года мне как собкору «Литературной газеты» по Беларуси позвонил проректор Минской ВПШ (высшей партийной школы) Егор Рыженков, совершенно не знакомый мне. Он сообщил, что слышал по радио мой рассказ о председателе колхоза «Рассвет» Василии Старовойтове и что знает человека, который приступил к созданию еще более замечательного будущего, чем в «Рассвете». О таком человеке обязательно должна знать просвещенная публика «Литгазеты», сказал ректор и предложил отвезти меня в будущее. Так и сделали немедленно.

Замечательное будущее в колхозе «Красное Знамя» Воложинского района, в часе езды от Минска, строил Семен Шарецкий, доктор экономических наук. Год назад он оставил кафедру и возглавил слабенький колхоз, чтобы собственными руками внедрить свою научную идею в жизнь. Идея в его словесном исполнении звучала так:

«Нынешние колхозы не в состоянии резко поднять сельское хозяйство страны, потому что они не обеспечивают простора для эффективного использования современных производительных сил и совершенствования производственных отношений. Наибольший эффект дадут объединения, созданные в процессе дальнейшей специализации и концентрации сельскохозяйственного производства путем межхозяйственной кооперации и органического их соединения с промышленностью и другими отраслями народного хозяйства».

Семен Шарецкий озвучил свой тяжеловесный слоган медленно и значительно, как лекцию. Его речь состояла из монологов, варьирующих одну и ту же мысль. Монологи были насыщены цитатами из Маркса и постановления очередного пленума ЦК КПСС. Хотелось сбежать, чтобы больше не слышать сто раз слышанное. Он не видел, не чувствовал собеседника.

Пятидесятилетний толстеющий мужчина под черной шляпой (теплым летним днем!) был упоен своей важностью, за которой, как выяснилось, скрывался холерический темперамент. Узнав, что я хорошо знаком со Старовойтовым, Шарецкий тут же взял с меня слово, что организую экскурсию в «Рассвет» для него и специалистов (через два месяца экскурсия состоялась).

«Хочется, чтобы опыт «Рассвета» проник во все поры нашего хозяйства, -- сказал Шарецкий по-человечески понятно, а завершил по обыкновению пространно: -- Я хочу сделать то, что сделал Старовойтов, но только в больших масштабах. Административные границы управления должны быть подчинены хозяйственно-управленческим. Первостепенная задача -- изменить границы районов, учитывая природно-климатические особенности. Агропромышленные объединения необходимо совместить с границами районов. С этим расчетом к колхозу «Красное знамя» уже присоединено одно хозяйство, но этого мало. Социально-экономический прогресс в деревне требует ускорения...»

Если переложить на нормальный язык, идея Семена Шарецкого заключалась в том, чтобы из каждого района Беларуси сделать один большой-пребольшой колхоз. В «Красном Знамени» Шарецкому было тесно, хотя колхоз растянулся примерно на двадцать километров. Из одного конца в другой мы ехали по плохим дорогам более часа. Я видел запущенные деревни, убогие фермы, бедные поля. В некоторых деревнях видел асфальтированные улицы, на них стояли домики, обложенные белым кирпичом.

Шарецкий сообщил, что покупает в Минске старые дома под снос, перевозит их в хозяйство, ремонтирует, отдает специалистам. И эти обновленные домики -- единственное, что хоть как-то очеловечивало идею Шарецкого. Я видел, что расплзшийся до невероятных размеров колхоз

«Красное Знамя» состоит из несоединенных между собой хозяйственных фрагментов, фактически неподвластен председателю, неуправляем.

Я трясся в «козлике» и думал: а что будет, если Шарецкий присоединит к себе весь Воложинский район! Но прежде чем присоединить район, Шарецкий по-новому нарисует на бумаге и проложит на местности административные границы, назначит новых управленцев, взбудоражит население, на много лет оторвет людей от конкретной работы...

Мало того, опыт Воложинского района он распространит на всю страну. Штаб экспериментаторов Шарецкий планировал разместить в колхозе «Красное Знамя», где под его руководством сосредоточились бы передовые научные умы. «Экономист должен быть испытателем на себе, как врач», -- высоким слогом изрек он мысль, выношенную под черной шляпой. Глупейшую мысль, выдающую эгоизм носителя.

Знаменитые врачи испытывали на себе новые лекарства, чтобы не подвергать риску других людей. Моральная суть их эксперимента -- самоотверженность. Шарецкий испытывал свою идею именно на других людях, заставлял их, как подопытных кроликов, служить его амбициям. Убежденный эгоцентризм экспериментатора обнажал по сути аморальную личность.

В интонациях, повадках, делах, намерениях этого человека пульсировала психологическая неустроенность, как будто его кто-то постоянно обижал, чего-то ему недодали, то ли второй орден Ленина (одним уже наградили), то ли власти (должность главы колхоза была маловатой, давила шею), то ли прочие капризы и заскоки бродили в потемках ущербного самосознания...

Проектируемые грандиозные преобразования, обусловленные менталитетом самовлюбленной личности, вызвали во мне ужас. Идея Шарецкого держалась на непреодолимом желании внедрить постулаты своей докторской диссертации в хозяйственную практику. Вокруг диссертации вращался весь мир.

Амбициозные идеи, как правило, маниакальны, одних людей они увлекают, других -- отпугивают. В ВПШ уход Шарецкого с кафедры и отъезд в колхоз ради постановки сомнительного эксперимента вызвал издевательские смешки коллег. Несколько молодых ученых увлеклись идеей, вслед за Шарецким переехали в колхоз. Кандидат экономических наук Игорь Загороднюк получил должность главного экономиста, верил своему кумиру.

Примерно в те годы Василий Старовойтов, доведя развитие «Рассвета» до совершенства, предельно возможного в условиях «развитого социализма», и поняв его бесперспективность, уже вынашивал мысль о преобразовании колхоза в акционерное общество. А в «Красном Знамени» Шарецкий вознамерился преобразовать в колхоз всю страну.

Я отказался пропагандировать в «Литературной газете» шарецкий опыт маргинализации Беларуси, не написал ни строчки (позже рассказал в книге об экскурсии Шарецкого к Старовойтову).

Лоббист Шарецкого, проректор ВПШ, на меня, подозреваю, крепко обиделся. Но его удовлетворила газета «Советская Белоруссия», вскоре

напечатавшая пространный очерк Иосифа Середича, где с бездумным восторгом славился геройский поступок доктора наук Шарецкого, возглавившего колхоз. Коль маргиналы реально существуют и действуют, то реальна и маргинальная журналистика, навязывающая массам разрушительные идеалы.

Сопроводив в 1985 году Шарецкого к Старовойтову, я не мог знать, что через 11 лет, в 1996-ом, Шарецкий, по недоразумению истории возглавивший Верховный Совет, не поддержал обоснованный, подготовленный депутатами импичмент президенту Лукашенко -- и Беларусь покатила в яму, и ярчайшим признаком маргинализации страны стал разгром акционерного общества «Рассвет» и суд над Старовойтовым в 1997-ом по наводке президента, сохраненного Шарецким. Если бы Шарецкий не струсил, Беларусь уже семь лет жила бы по-иному. Печально, когда страна зависит от характера одного человека!

Столкнувшись в 1985 году со странной личностью Шарецкого, я не был шокирован, когда в 1999-м он вдруг удрал в Литву, обезглавив единственный в Беларуси легитимный орган власти -- Верховный Совет.

Он продолжал действовать согласно установке маргинала. С экспериментом в «Красном Знамени» ничего не получилось. Врачуя болезненные амбиции, Шарецкий еще больше засуетился, создал аграрную партию, лез в президиумы, выступал на митингах, однажды изловил меня и просил взять у него интервью.

Получив высшую, на тот исторический момент, власть в государстве, Семен Шарецкий получил личное удовлетворение. Цель маргинала была достигнута. Использовать власть во благо страны и народа -- не являлось его целью. Защищать законную власть, рискуя собой, -- несвойственно для самосознания маргинала.

Бегство Шарецкого из Беларуси -- измена Беларуси, но никак не измена себе самому.

Зная, что Шарецкий сейчас живет в Америке, я точно определяю высшую цель маргинала: заполнить бездну личных амбиций. Душа маргинала -- Выдьма. Гора-яма, грозящая гибелью природе и человеку.

Природа продолжается в человеке. Но если в природе маргинальность как временная болезнь может самоизлечиться (например, заброшенные осушенные болота самовосстанавливаются, повторно заболачиваются), то маргинальность в человеке закладывается от рождения, делается его сутью, а суть неизлечима. Хорошо организованная охрана природы не позволяет экологическим маргиналиям перерасти в масштабные катастрофы, а маргиналии человеческие периодически потрясают мир (Ленин, Сталин, Гитлер).

Как же противостоять маргиналиям в человеке? Развивать в нем чувство полноценности, а как? Создать ему все условия для полного самовыражения, но разве это излечит болезнь, имеющую психическую подоплеку? Целиком удовлетворить его социальные запросы, но разве это возможно? Проникнуть в

его душу с целью контроля и воздействия? Но так можно дойти до изощренного фашизма.

Главная причина маргинализации человека -- не в его социальной неустроенности. Белорусская народная масса не продуцирует избытие маргиналов, потому что невысоко ее самосознание. Она, увы, терпит многое, но довольствуется малым.

Бедность, неприкаянность, честолюбие заставляют человека действовать, но не производят его в маргиналы, ибо в результате человек поднимается прежде всего по социальной лестнице, а не в больном воображении. Маргинальная личность считает свой социально-психологический статус ущербным как раз по отношению к самосознанию. Ей всегда мало, ее гложет чувство неполноценности.

Степень маргинализации прямо пропорциональна общественному положению: чем оно выше, тем больше запросы, тем более «погранична» психика, тем разрушительнее маргинальность. Механизатор Егор Кузьмич, став при коммунистах депутатом Верховного Совета, говорил мне с иронией: «Им туда надо был человек из народа, беспартийный, для пропорции, ну, и посижу, позаседаю». Через положенное время он спокойно вернулся в трактору.

Вы много встречали бывших депутатов из номенклатуры, вернувшихся на прежнее место работы? Они растут! Особенно -- в собственных глазах. С этими нервными наполеончиками невозможно пообщаться, поговорить. Они привыкли вещать, провозглашать. Подозреваю, даже на унитазах они ощущают себя как на трибуне.

Чтобы на чем-то ехать к намеченной цели и кем-то погонять, а также для пущей важности бонапартики создают под себя партии, движения, газеты, фонды, профсоюзы, блоки, центры, инициативы, хартии, комитеты, группы, институты... Ну и, само собой, маниакально лезут в депутаты, в министры, в президенты.

Скоро они в очередной раз явятся за вашим голосом, современник. Будьте наблюдательны! Учитесь определять и отсекают от власти маргиналов. Обычно они неестественно активные. Поскольку они чувствуют себя неполноценными на любой ступени общественной лестницы, они панически боятся оттуда свалиться, а потому излишне волнуются, сильно потеют, от них нехорошо пахнет маргиналином, а на дезодорант потратиться жалко или невдомек.

Знайте: предлагаемые ими преобразования в обществе -- самые обширные. Маргиналы как правило предлагают максималистские проекты в природопользовании (повороты рек, сплошная мелиорация или, наоборот, отказ от индустриализации, возвращение в природу, сплошное заповедание лесов и болот). Их речи высокопарные, обещания обильные, ладони у них зачастую мокрые, рукопожатие вялое, неприятное, а глазки бегающие, неуловимые...